

ЯЗЫКОВОЙ «ПОРТРЕТ» РУССКОГО УДИВЛЕНИЯ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ, ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОСЛОВИЧНЫЕ СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ

М.Л.Ковшова

THE "PORTRAIT" OF SURPRISE IN THE RUSSIAN LANGUAGE: LEXICAL, PHRASEOLOGICAL AND PROVERBIAL WAYS OF DESCRIPTION

M.L.Kovshova

Институт языкознания РАН, Москва, kovshova_maria@list.ru

Изучение эмоций и того, как об этих эмоциях «говорит» язык, позволяет определить роль языка в концептуализации эмоций. В статье обосновывается тезис о том, что фразеологизмы и паремии, согласно знаковым возможностям, способствуют полной и точной концептуализации феномена удивления в русской ментальности и лингвокультуре.

Ключевые слова: эмоция, удивление, концептуализация, фразеологизмы, паремии образ, эталон, культурная семантика

The investigation of emotions and the way in which they are reflected in language, helps us to define the role of language in the conceptualization of human emotions. The thesis postulated in the current paper is the following: phraseological units and proverbs, due to their semiotic potential, do conceptualize the phenomenon of surprise in the Russian mentality and linguistic culture.

Keywords: emotion, surprise, conceptualization, phraseological units, paremes, images, etalon, cultural semantics

В гуманитарных науках удивление относят к основным специфическим эмоциям человека и указывают на ее интеллектуализацию (см.: [1]); изучению того, как представлены эмоции в языке, посвящены работы: [2-4]. В настоящей статье обосновывается тезис о том, что лексические, фразеологические и пословичные единицы по-своему, в силу своих знаковых возможностей, способствуют описанию данной эмоции; создают «портрет» русского удивления.

Анализ лексики выявляет семантику ядерной лексемы и ее семантических аналогов, особенности употребления их в речи, различных запретах и семантических модификациях. Ядерная лексема *удивление* — свернутая дескриптивная модель, в которую включены субъект эмоции, эмоция и ее причина; ср.: *Я удивлен его приходу. Меня это удивляет.* Характерными чертами удивления по данным лексики являются инактивность и неконтролируемость: это обосновывается пассивным залогом предиката: *Я удивлен, удивился* и невозможностью асертивных императивов, обращенных к субъекту эмоции: **Удивляйся! *Удивись!* Неконтролируемость удивления подтверждается невозможностью выражений: **Я нарочно удивился; *Я специально удивился;* можно *изобразить удивление, делать большие глаза,* но нельзя **специально удивиться.* Удивлением нельзя руководить: **Я подавил удивление; *Я поборол удивление* (ср. при этом *Я подавил радость, поборол гнев*). О неконтролируемости удивления говорит также трудность соединения лексемы с модальными глаголами *мочь, желать, хотеть* и т.п.; ср.: **Я могу / не могу удивиться, *Я хочу / не хочу удивляться,* если только данные высказывания не обозначают другие эмоции — готовность к радости, ожидание счастья; ср. с модальными глаголами желания: *Вы меня можете удивить; Я надеюсь, что нас сегодня приятно удивят; Я*

буду рад удивиться; Я не могу не удивиться; Не бойтесь удивляться чудесам. Субъект-каузатор удивления может предупреждать своего адресата: *Сейчас я тебя сильно удивлю,* и в этих случаях удивление окончательно «переводится» в область ментального, а неожиданность «снимается».

Предикаты удивления в актуальном настоящем времени констатируют, но не анализируют эмоциональное состояние; это обосновывается невозможностью высказываний в ментальной рамке; ср.: **Я думаю, что удивлен; *Я уверен, что меня это удивляет.* Однако ментальная рамка легко возникает в высказываниях о прошлом и не столько констатирует удивление как факт, сколько выражает мнение о значимости причин для удивления; ср.: *Я думаю, что был тогда немало удивлен; Знаю, для меня это было чем-то удивительным.* Описание причин также появляется в фазе осмысления удивления; ср.: *Я удивился потому, что никогда прежде не видел водопадов; Меня удивляет его непрофессиональное отношение к делу.* Удивление в фазе осмысления описывается как эмоция избирательная; ср.: *Все удивились, а я ни капельки не удивился; Все удивляются, а я ни капельки не удивляюсь.* Удивление предстает как эмоция, способная создавать цепную реакцию; ср.: *Все удивились, и я удивился; как эмоция, способная объединять; ср.: Нас это всех удивило.* Осмысление удивления может развивать негативный сценарий; ср.: *Меня это ни капельки не удивляет; Меня давно ничто не удивляет; Вы меня ничем уже не сможете удивить.* Исследование синонимов выявляет свойство эмоции к интенсификации: *удивляться, изумляться, поражаться* и др.; синонимы различаются по инстинктивности реакции, по разным типам восприятия удивительного, в т.ч. умозрительного и т.п. За удивлением может следовать другая эмоция; ср.: *удивился и обрадовался;*

удивился и рассердился; удивился и восхитился. Русское удивление развило и продолжает развивать семантику эстетической оценки; ср.: *удивительные глаза; удивительный голос; удивительный цветок; удивительная музыка; удивительная игра актеров* и т.п. *Удивительно* как эстетическое наречие может служить модификатором глагольного сказуемого; ср.: *удивительно выглядит; удивительно улыбаться* и т.п.; удивительная красота владеет субъектом; ср. похожую картину в *пленительной красоте* [5].

Тем самым, лексическими чертами в «портрете» удивления будут следующие: ситуативность; инактивность; каузированность; неконтролируемость; осмысление удивленного состояния; способность удивления к переходу в другую эмоцию; семантическая модификация удивительного и переход в область эстетической оценки.

Русская фразеология, обладая разнообразием структурно-семантических единиц — от идиом и устойчивых сочетаний до синтаксических фразеологизмов [6], будучи сжатым текстом культуры [7, 8], способна не только подтвердить основные признаки удивления, выявленные в лексическом «портрете», но и развернуто описать удивление в образном минитексте. Фразеологический материал четко выстраивается по трем, известным в физиологии и психологии, фазам данной эмоции.

Первую группу — «удивление-ощущение» — составляют грамматические фразеологизмы в функции частиц и междометий. Их можно назвать реактивами, поскольку они описывают спонтанную реакцию субъекта; ср.: *мама дорогая; ничего себе; надо же; бог мой; что за чудо* и мн. др. Образы адресации, древнейшие и универсальные, подтверждают и изображают имплицитную пассивность субъекта: *бог мой; господи боже мой; силы небесные; мамочки мои; батюшки-светы* и др. Для единиц этой группы характерна также метафора «дара»: *вот тебе на; вот тебе раз* и др., значимая для русской ментальности.

Вторую группу — «удивление-состояние» — составляют идиомы, адвербиальные и глагольные; это симптомативы, они описывают внешнее проявление внутреннего состояния; ср.: *разинуть рот; вылупить глаза; глаза / брови на лоб полезли; всплеснуть руками; как громом пораженный* и др. Особенностью группы является то, что описание представлено в модальной рамке наблюдения. Симптомы удивления имеют объективное обоснование, отраженное в образах кинетических фразеологизмов. Также идиомы этой группы отвечают на удивление метафорой удара и символом высших сил — громом; ср. *как громом пораженный, гром и молния* и др.

Третью группу — «удивление-отношение» — составляют грамматические фразеологизмы и идиомы; это интерпретативы; ср.: *ушам своим не верю; не может быть; да ладно; никогда такого не было; кто бы мог подумать; бывает же такое; чего только не бывает; диво дивное; кино и немцы* и др.

Во фразеологии последующая за удивлением эмоция обычно эксплицируется в семантике предикатов говорения в контексте. Приведем грамматический

фразеологизм *ничего себе*, значение которого — ‘удивительно, совершенно неожиданно’ и который функционирует как модальный компонент предложения. Ср. отдельные иллюстрации из Национального корпуса русского языка [9]:

«А помнишь, в другой раз они говорили: кто-то ими командует — кто-то умный и знающий... — *Ничего себе...* — пробормотал я. Может, кто и был в курсе, но для меня это была полная неожиданность» (Вера Белоусова «Второй выстрел»). «*Ничего себе, — подумал* Скварыш, — учитель, а бегаёт в КГБ» (Василь Быков «Бедные люди»). «У нас нет срочной работы? — едва ли не *гневно воскликнул* он. — *Ничего себе! У нас нет срочной работы!*» (Василь Быков «Бедные люди»). «Димка выпрямился и посмотрел на чемоданы. — *Ничего себе, — даже присвистнул* он. — Вы что, на целый год приехали?» (Андрей Геласимов «Дом на Озерной»). «Когда потом увидела Андрея [своего мужа, олимпийского чемпиона по прыжкам в высоту] по телевизору, *подумала: ничего себе, какой у меня мужчина!*» (Интервью с Е.Лобышевой и А.Сильновым для газеты «Советский спорт», 29.12.2008).

Тем самым, фразеологический «портрет» удивления обнаруживает большее, нежели в лексическом материале, соответствие при описании всех фаз эмоции. Удивление во фразеологизмах имеет начало, середину и конец; это парадный, во весь рост, «портрет» удивления.

Полнота описания обусловлена такими знаковыми особенностями фразеологизмов, как 1) дескриптивность — законченное описание ситуации со всеми (сменными) актантами; ср.: *Он вынул глаза на (своего) начальника* (где он и начальник — сменные актаны) и 2) текстовость — способность фразеологизмов разных типов создавать законченный полноценный текстовый фрагмент; ср.: *Вот так невидаль! Захлопал глазами. Кино и немцы!* Благодаря структурно-семантическому разнообразию фразеологических единиц, присущей им дескриптивности, образной выразительности, а главное — близости к эмоциям по собственной эмоционально-экспрессивной сущности, русские фразеологизмы осуществляют описание эмоции в пространстве культуры, с ее устойчивыми стереотипами, эталонами, установками и ценностями.

Но еще более важным представляется обращение к пословицам и поговоркам, которые в цельнопредикативной форме выражают обобщенное суждение о мире, излагают в своих законченных текстах прескрипции культуры, постулаты наивной этики. Знаковая функция пословиц и поговорок — выражать мнение, создавать суждение — позволяет выявить присущие русской ментальности когнитивные схемы осмысления удивительного; эти схемы представлены в образах пословиц и поговорок как через увеличительное стекло — выпукло и ёмко.

Русские пословицы, в большинстве своем, расширяют третью группу фразеологизмов — интерпретативов, и главной оказывается когнитивная схема отрицания достаточных оснований для удивления. Отрицание причин удивляться щедро приправлено

едкой иронией или шуткой. Ср.: *Диво, что у свиньи рыло, да и у малого поросенка то ж; Дивовалась ворона, что воронята грают; Чудеса не колеса — сами катятся* [10: 78; 330]. Возможно, что глубокая, затаенная склонность русской души к чуду, к диву дивному, нуждается в пословицах, предостерегающих от этой склонности, уводящей человека далеко от повседневной деятельности.

Обратимся к сборнику В.И.Даля «Пословицы русского народа» (рубрика «Чудо — диво — мудреное») [11: 570-573] и Словарю русских пословиц и поговорок, составленному В.П.Жуковым [12]; все дальнейшие примеры приводятся из этих источников, и пословичный «портрет» удивления в них един.

В большинстве паремий обоих словарей описывается ничтожность причин для удивления; образы подчеркнуто обыденного характера усиливают стратегию отказа от удивления. Ср.: *То не диво, что у богатого много пива; Тому не дивись, что пьяные подрались; Хитер бычок: языком под хвост достает; Хитрее теленка не будешь: языком под брюхо не достанешь; Это бывает сплошь да рядом. Слон родился, слон и есть; Диковина ёж, а и его много; Дивное диво, что не льется пиво; Чудесные чудеса — шилом небеса; Эка диковина — рыба сиговина; Эка невидаль, что каша естся; Эки чудны толки, что съели овцу волки; Эка чудеса: передок везу, задок сам катится; Чудеса, а не колеса: сами катятся (только повези); Чудеса в решете — дыр много, а вылезть негде; Не видала Москва таракана; Вот диво: черная коровка, белое молочко; Где нищий не бывал — там по две милостыни дают; Все налицо, как выеденное яйцо; Хитро сколотить ведро; Что тому дивиться, что земля вертится: напейся пьян, увидишь и сам; Мудрено, что тело голо; а шерсть растет — мудреней того; Родясь, не видал, умру — не увижу; Не выдывал очами (такого дива), не то что глазами (шутка) и др. Так же шутливо звучит пословица, в которой отношение ко всему псевдоудивительному выражено гиперболическим изображением симптомов удивления: *Такие чудеса, что дыбом волоса*.*

В пословичных шутках: *Людам на потешенье, всему свету на удивленье, Людам на потешку, белому свету на диво (на посмешку)* образно представлена все та же главная, негативная, формула: «Х не верит, отказывается верить в возможность Р, поскольку оно не имеет обоснования, не отвечает его представлению о пределах изменения обычного».

Недоверие ко всему невозможному выражается в ироничном предупреждении от удивления, которое описано в невероятных сценариях; ср.: Муж родил, жену удивил. Эталоны удивительного вносят все тот же отпечаток сомнения и шутки; ср.: *Это диковиннее кукушечьего гнезда; То мудрено, что на льду сварено; Вешнее яичко да осеннее молочко (диво)*.

Однако и полная неспособность человека к удивлению характеризуется негативно и переосмысливается в категориях эмоциональной ограниченности; ср.: *По сытому брюху хоть обухом; Сытый ничему не дивуется*. При этом нельзя удивляться всему. Человек должен отличать удивительное от неувидительного, знать меру; не знающий этой меры уподоб-

ляется глупому человеку; ср.: *Кто всему дивится, на того и люди дивятся*. В пословицах на основании отклонения от нормы отождествляются образы глупых людей и того, что удивляет; ср.: *На дураков не надивоваться*.

Когнитивная стратегия допустимости удивительного, как это ни парадоксально звучит, также умаляет значимость удивительного; ср.: *Живем порою — течет и вода горою; Ждали с гор, ан подплыло низом; И курица петухом поет; Бывает, и коровы летают; Горы падают, доли встают; Поживи с наше, еще и не то увидишь; Что больше живешь на свете, то больше увидишь*.

Когнитивная стратегия — уметь отличать обычное от необычного — лежит в основе пословиц, которые учат тому, что нужно считать удивительным; объясняют причину удивления, видя ее прежде всего в необычности, редкости явлений — их феноменальности; тем самым, концептуализируется главная черта русского удивительного — то, что явление должно быть редким, уникальным; ср.: *Чего мало, то и в диковину; Чего нет, то и на диво; Этого днем со свечью поискать*.

Неудивительно, что удивительное в пословицах, нацеленных на осмысление, переводится в ментальную сферу: удивительно не то, что происходит внезапно, неожиданно, а то, что трудно понять, осмыслить, но что может быть понято. Ср.: *Не штука дело, штука разум*. В образах пословиц отражается также идея об ограниченности человеческого разума в познании мира; ср.: *Это печать премудрости Соломоновой, с семью (девятью) столпами; При нас читано, да не при нас писано; Это не возжгой трясти (т.е. помудрнее будет); Для нашего брата — дело розато. Коротко да узловато*.

Тем самым, пословичный «портрет» удивления избирателен в отношении причин для возникновения данной эмоции. Русское сознание, эксплицированное в пословицах и поговорках, не отказывает удивительному в существовании, если это удивительное — земное, редкое, но могущее быть понятым явление. Истинное же удивительное — диво, чудо — для русского человека соединено с сакральными сущностями, создавшими мир; ср.: *Чуден свет — дивны люди. Дивны дела твои, Господи!* Эта философская черта, выраженная в образах пословиц, украшает русский «портрет» удивления, задает особый фон, на котором видна «фигура».

Исследование русской лексики, фразеологии и пословичного фонда позволяет понять, как происходило и продолжает происходить осмысление эмоции «удивление»; как язык способствует формированию более глубокого представления о данной эмоции; какие именно языковые средства по-своему, в силу знаковых особенностей, участвуют в концептуализации эмоции и создают целостный языковой «портрет» русского удивления.

1. Изард К.Е. Эмоции человека. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
3. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55-75.

4. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: ЛКИ, 2008. 446 с.
 5. Демьянков В.З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики. М.: Индрик, 2004. С. 169-208.
 6. Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986. 310 с.
 7. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.
 8. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.
 9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 14.10.2013).
 10. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П.Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
 11. Даль Вл. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1957. 990 с.
 12. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2001. 554 с.
- References**
1. Izard K.E. Human emotions. Saint Petersburg, 2002. 484 p.
 2. Arutiunova N.D. Language and the world of a man. Moscow, 1998. 895 p.
 3. Wolf E. M. Emotional states and their linguistic representation. Moscow, 1989, pp. 55-75.
 4. Shakhovsky V.I. Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language. Moscow, 2008. 446 p.
 5. Demyankov V.Z. Captivating beauty. Logical analysis of a language. The languages of aesthetics. Moscow, 2004, pp. 169-208.
 6. Zhukov V.P. Russian phraseology. Moscow, 1986. 310 p.
 7. Telia V.N. Primary goals and methodological issues in the investigation of phraseological content of the language in the cultural context. Phraseology in the cultural context. Moscow, 1999, pp. 13-24.
 8. Kovshova M.L. Linguocultural method in phraseology. Codes of culture. Moscow, 2012. 456 p.
 9. НКРЯ — National Corpora of the Russian Language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.
 10. Russian proverbs and sayings. Ed. by V.P.Anikin. Moscow, 1988. 431 p.
 11. Dal V. Proverbs of the Russian people. Moscow, 1957. 990 p.
 12. Zhukov V.P. Dictionary of proverbs and sayings. Moscow, 2001. 554 p.